

ЗАВЕЩАНИЕ ПЕТЕРА ВАЙСА

Журнал «Театр» объявил о публикации драмы немецкого писателя Петера Вайса

«Троцкий в изгнании». Переводится на русский язык

главная книга Вайса «Эстетика Сопротивления» —

панорама международного антифашистского движения 30—40-х годов.

Нам предстоит расширить знакомство с этим оригинальным,

всемирно известным художником, которого пока в СССР знают очень мало.

В ЮНОШЕСКОМ возрасте Петер Вайс (1916—1982) эмигрировал из гитлеровской Германии, большую часть жизни прожил в Швеции, был членом шведской коммунистической партии. Писал он на родном немецком языке, его книги и пьесы издавались и ставились в обеих частях Германии. Вайс делил свои литературные привязанности между Брехтом и Кафкой, его тяготение к миру социализма включало элемент отрезвляющего скепсиса: писатель отстаивал свое право на самостоятельное, не догматическое понимание истории СССР. Так сложился замысел его пьесы «Троцкий в изгнании», написанной в преддверии столетия В. И. Ленина. Стремясь продолжить дело, начатое XX съездом КПСС, содействовать ликвидации «белых пятен» в прошлом нашей страны, Петер Вайс решает опровергнуть шаблонную версию о Троцком как о контрреволюционере, враге социализма.

Пьеса вышла в ФРГ в 1969 году и вызвала резкую реакцию в Советском Союзе: драматурга обвинили чуть ли не в пособничестве неонацистам, и в течение десяти лет он фактически считался у нас писателем запрещенным.

На мой взгляд, пьеса и в самом деле отчасти уязвима. Желая восстановить историческую справедливость, Вайс зашел в апологию Троцкого дальше, чем позволяли факты. В сюжете драмы преобладают те моменты жизни Троцкого, которые дают возможность представить его как рыцаря мировой революции, до конца верного идее. В «Записных книжках», опубликованных в 1981 году, Вайс признается: «Согласен, что Троцкий у меня изображен односторонне и в связи с этим идеализирован».

ДЕЙСТВИЕ ПЬЕСЫ начинается с насильственного изгнания Троцкого из Алама-Ату и завершается в Мексике на той трагической минуте, когда за его спиной встает убийца с ледорубом. Ключевое значение в драме приобретает картина, озаглавленная «Смерть

Ленина». Писатель смело нарушает временную последовательность событий: действие картины происходит несколько лет спустя после смерти Ленина. Дочь Троцкого Зинаида Волкова рассказывает отцу-изгнаннику о том, что творится в стране при Сталине.

«...В Москву приезжают делегации, их закармливают икрой, опанывают водкой... Но они не знают, за чей счет все это делается. Они не видят армии каторжников, миллионов людей в лохмотьях, голодных узников лагерей. Каждый день суды выносят приговоры инженерам, хозяйственникам, ученым. Провалы в работе заводов объясняют вредительством, заговорами врагов народа. И за всем этим будто стоишь ты... Они бы и Ленина забрали, если бы он был жив. Да, мне это Крупская сама сказала».

А потом на сцену выходит тяжело больной Ленин. Горько жалуясь на сильное бюрократизма, он призывает Троцкого возглавить борьбу за пролетарскую демократию: «Ты должен быть непреклонен, неуступчив. Когда-нибудь признают твою правоту. Наша революция захлебнется, если не станет мировой революцией».

По логике этих сцен получается, что Ленин просто не успел сделать Троцкого своим преемником, что сам

он до последнего часа считал первоочередной задачей интернациональную классовую борьбу. Думается, что Вайс трактует историю достаточно произвольно. Впрочем, продолжая размышлять над судьбой Троцкого, писатель позднее сделал и такое замечание: «Троцкий, если бы он пришел к власти, убрал бы с дороги своих конкурентов так же безжалостно, как Ст.».

АВТОР НАМЕРЕВАЛСЯ переработать пьесу, не считая ее вполне удавшейся. Но так или иначе, она представляла для Вайса интерес не только исторический, в ней отразились его мысли о возможностях революционного преобразования мира. Стремление связать прошлое с современностью особенно проявляется у драматурга там, где он вводит Троцкого в круг бунтарски настроенных студентов разных стран: здесь, несомненно, сказались симпатии Вайса к студенческому движению конца 60-х годов, его упрямая и наивная приверженность идее мировой революции.

В наиболее законченном виде кредо писателя выражено в предпоследней картине пьесы — «Завещании». Троцкий спорит со своим сторонником, теоретиком сюрреализма Андре Бретоном. На реплику Бретона, что дело Октября погибло, русская революция навсегда опозорена, Троцкий возра-

жает: «Я согласен, что русское население было обмануто... Но я не согласен, когда вы говорите, что социализм не сумеет оправиться от исторического шока. Социализм, несмотря на все преступления, совершенные от его имени, способен к развитию, он еще сможет выправиться и обновиться». Устами Троцкого тут, конечно, говорит Петер Вайс. И в этом главный пафос его пьесы.

Полагаю, что эти размышления честного немецкого писателя представляют для нас и сегодня интерес не только исторический. Нас (я имею в виду в первую очередь коммунистов старшего поколения) привлекает преданность автора наследию Ленина и проистекающая отсюда непримиримость к сталинизму. И мы не должны судить Петера Вайса слишком строго за то, что двадцать лет назад он не представлял себе всей гигантской сложности проблем, которые стоят перед нами сегодня.

ХОТЕЛОСЬ БЫ добавить, что в 1974 году Вайс был приглашен в Москву в связи с 40-летием Союза писателей СССР. Юбилейные мероприятия его мало интересовали. Но из его «Записных книжек» следует, что ему были очень нужны и желанны личные знакомства. Он побывал у Константина Симонова, Юрия Трифонова,

встретился с участницей войны, переводчицей и литератором Евгенией Кацовой. На страницах «Записных книжек» очень много замечаний, отвечающих его идейным поискам;

«Важнейшая работа, которую должны выполнять марксисты, не только строительство нового, но и прояснение прошлого. Суждение, будто можно разобраться в прошлом на ходу, вредно».

«Они все были безгрешны. Тухачевский и др. Троцкий оказался бы одним из самых одержимых властолюбием».

«Сталин (обычно такой недоверчивый) слепо верил, что Германия не нарушит пакт. Гитлера он уважал как равного ему по силе».

Из трагедии, омрачившей историю СССР, Вайс делает выводы применительно к компартиям других стран:

«Сегодня коммунистам уже невозможно придерживаться авторитарных форм, коренящихся в культе личности. Партии, практикующие такие формы, особенно в капиталистических странах, неизбежно движутся навстречу кризису, который угрожает их существованию».

Эти строки, оказавшиеся пророческими, написаны в 1976 году. Не менее дальновидными представляются суждения Вайса, сформулированные двумя годами позже, о понятии «диктатура пролетариата». Слово «диктатура», по мнению писателя, дискредитировано, а рабочий класс Запада уже не похож на «пролетариат», если иметь под этим в виду угнетенную, голодную массу.

Трудный путь Петера Вайса к обретению истины не должен пройти для нас бесследно. С большим опозданием знакомясь с его творчеством, мы лишь раз убеждаемся в том, как важно вовремя и безбоязненно уловить взгляд со стороны, взгляд тех художников за рубежом, которые пытались осмыслить наш трагический опыт.

Тамара МОТЫЛЕВА.